

О двух типах дицендиальных показателей причины (преимущественно на материале языков Евразии)

© 2022

Дмитрий Валентинович Герасимов

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия;
dm.gerasimov@gmail.com

Аннотация: Конструкции с глаголами речи — хорошо известный диахронический источник обстоятельственных коннекторов, однако последние привлекли меньше внимания исследователей по сравнению с другими продуктами грамматикализации глаголов речи, такими как репортативы и комплементайзеры. В статье рассматриваются дицендиальные средства выражения причины в языках Евразии. Большинство таких единиц можно отнести к одному из двух типов («говоря / сказав» и «если сказать / скажешь почему»), выделяемых на формальных основаниях, но противопоставленных также по своим позиционным и семантическим свойствам. Демонстрируется, что различия в свойствах показателей двух типов непосредственно связаны с путями их диахронического развития. Только для единиц первого типа могут быть релевантны предлагавшиеся ранее универсальные сценарии грамматикализации глаголов речи. В статье также выдвигаются гипотезы о синтаксическом статусе причинных клауз, вводимых показателями двух типов, и указываются перспективные направления для их дальнейшего изучения.

Ключевые слова: грамматикализация, причина, причинные конструкции, чужая речь

Благодарности: Исследование поддержано грантом РНФ № 18-18-00472 «Причинные конструкции в языках мира: семантика и типология». Выражаю признательность В. В. Барановой, Ю. Бонемейеру, А. П. Выдрину, С. Ю. Дмитренко, Е. А. Забелиной, Н. М. Заике, К. Кавати, Т. А. Майсаку, Р. Г. Мамедшахову, Дж. Петерсону, В. А. Стегнию, Р. Фееру, М. Хёлиг, М. А. Холодиловой, В. С. Храковскому, анонимным рецензентам и редакции «Вопросов языкознания» за ценные замечания и/или помощь с данными отдельных языков. Любые ошибки и неточности остаются всецело на совести автора.

Для цитирования: Герасимов Д. В. О двух типах дицендиальных показателей причины (преимущественно на материале языков Евразии). *Вопросы языкознания*, 2022, 2: 7–29.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.2.7-29

On two types of dicendial causal markers (with a special focus on the languages of Eurasia)

Dmitry V. Gerasimov

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia;
dm.gerasimov@gmail.com

Abstract: Constructions involving speech act verbs are a well-known diachronic source of adverbial connectors, but the latter have so far received less attention in the literature compared to other common products of grammaticalization of verba dicendi, such as reportatives or complementizers. This paper focuses on dicendial causal markers in the languages of Eurasia. The majority of such elements fall into two distinct types (“saying / having said” and “if you / one say(s) why”), defined on the basis of their formal make-up, but clearly different in their positional and semantic properties as well. It is shown that the differences between the two types are directly linked to their diachronic origins. Previously proposed universal grammaticalization clines for speech act verbs can only be relevant

for the first type. The paper also puts forward hypotheses concerning the syntactic status of causal clauses introduced by markers of the two types and sketches prospective avenues for further language-specific research.

Keywords: causal clauses, grammaticalization, reason, reported speech

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 18-18-00472. I wish to express my gratitude to V. Baranova, J. Bohnemeyer, S. Dmitrenko, R. Feer, M. Höhlig, K. Kawachi, M. Kholodilova, V. Khrakovsky, T. Maisak, R. Mamedshakhov, J. Peterson, V. Stegniy, A. Vydrine, E. Zabelina, N. Zaika, the anonymous reviewers and the journal editors for their valuable comments and/or help with language data.

For citation: Gerasimov D. V. On two types of dicendial causal markers (with a special focus on the languages of Eurasia). *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 2: 7–29.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.2.7-29

1. Введение

Глаголы речи, *verba dicendi*, — распространенный источник грамматикализации в языках мира. На их основе развиваются показатели чужой речи, эвиденциальности и эпистемической модальности, комплементаризеры при широком классе матричных предикатов, подчинительные союзы цели, причины, условия и уступки, симплитивы и эквативы, различные дискурсивные маркеры ([Saxena 1988; 1995; Lord 1993: 151–213; Klamer 2000; Heine, Kuteva 2002: 261–267; Kuteva et al. 2019: 375–388] и др.). Настоящая статья посвящена дицендиальным (т. е. диахронически восходящим к конструкции с глаголом речи)¹ средствам выражения причины в языках Евразии. Большинство таких единиц в рамках данного макроареала относятся к двум основным структурным типам, которые можно проиллюстрировать следующими примерами из лезгинского языка²:

ЛЕЗГИНСКИЙ (нахско-дагестанские)

- (1) *bazar.di-n juğ ada-z, tars-ar awa-č luhu-z tak'an*
 воскресенье-GEN день он-ДАТ урок-PL быть-NEG говорить-IPFV.CNV ненавидный
xa-nwa-j
 становиться-PRF-PST

‘Он возненавидел воскресенья, потому что (в эти дни) не было уроков’ [Haspelmath 1993: 390].

- (2) *Birdan G'ezerdin.a waɥ.ra-l guɥzɥival awu-n akwawar-na,*
 вдруг Гезерчи(ERG) луна-SRESS наблюдение быть-MSR остановить-AOR
wuɥ.i-z laɣba-ɥ-tla ada-n fiqur masa kar.di wiɥ.e-l
 что-ДАТ сказать-PFV.PC-COND он-GEN мысль другой дело(ERG) сам-SRESS

jelb-na
 привлекать-AOR

‘Незаметно Гезерчи перестал следить за луной, потому что его мысли заняло другое дело’ [Гайдаров и др. 2009: 446].

¹ Термин «дицендиальный» в данном значении характерен для отечественного монголоведения, но практически не употребляется за его пределами. На наш взгляд, это удобный ярлык, который заслуживает более широкого распространения.

² Сентенциальные примеры даны в орфографии или в транскрипции источника. При упоминании в тексте языковые единицы приводятся в латинской транскрипции, по возможности приближенной к МФА. У такого решения есть ряд минусов, но оно представляется оправданным для типологической статьи, которая опирается на большое количество источников, использующих различные подходы к репрезентации данных (иногда применительно к одному и тому же языку).

В примере (1) причинная клауза оформляется союзом *luhuz*, исторически представляющем собой имперфективное деепричастие от глагола ‘говорить’. В примере (2) указание на причину вводится при помощи конструкции, состоящей из вопросительного местоимения и формы условного наклонения того же глагола (букв. ‘почему если сказать’). Далее мы будем условно именовать показатели первого типа «деепричастными», а второго — «местоименными»; их более точная характеристика будет дана ниже. Хотя показатели двух выделенных типов часто сосуществуют в одном и том же языке, как это имеет место в лезгинском, они явно различаются по своим формальным и семантическим свойствам, причем различия эти напрямую связаны с историей их грамматикализации.

Дальнейшее изложение построено следующим образом. После обзора релевантной литературы (раздел 2) мы последовательно рассмотрим формальные (раздел 3) и семантические (раздел 4) свойства интересующих нас единиц, фокусируясь на различиях между показателями «деепричастного» и «местоименного» типа. В разделе 5 мы обсудим историю грамматикализации показателей обоих типов, а в разделе 6 попытаемся указать на некоторые перспективные с типологической точки зрения направления для изучения дицендиальных коннекторов в конкретных языках. Краткий итог подводится в заключительном разделе 7.

2. Существующие исследования

Среди возможных путей развития глаголов речи маркеры причины привлекли меньше внимания исследователей, чем комплементаризеры или дискурсивные показатели. Тем не менее, дицендиальные причинные союзы не только приводятся в описаниях многих языков мира, но и неоднократно упоминались в качестве генетической или ареальной черты. Так, они указываются как типичные для индоарийских [Masica 1991: 402–403], тюркских [Johanson 1993: 240–241, 257], монгольских [Бертагаев 1953: 58; Пюрбеев 1979: 76–77; Даржаева 2020: 48], нахско-дагестанских [Майсак 2016: 592–593] языков, а также для таких ареалов, как Западная Африка [Lord 1993: 209], индийский субконтинент ([Saxena 1988; Coupe 2018: 201–202] и др.), Северный Кавказ [Абдуллаев 2010: 280; Arkadiev, Maisak 2018: 137–140] и шире, восточная периферия Европы [Kortmann 1997: 96].

Рассматривались интересующие нас единицы и в типологической перспективе. В [Heine, Kuteva 2002: 261] приводится путь грамматикализации SAY > CAUSE, иллюстрируемый данными лезгинского и бака (< убангийские < атлантико-конголезские). Во втором издании компендиума добавляются упоминания показателей в таких языках, как шаньтоский минь, сабинь (< нилотские) и табасаранский [Kuteva et al. 2019: 375]. В диссертации А. Мартович, посвященной, в частности, морфологической структуре и источникам грамматикализации маркеров подчинения, дицендиальные причинные показатели отмечаются в четырех языках (лезгинский, тайский, гало, санго³) из сбалансированной выборки в 84 [Martowicz 2011: 131].

Неоднократно предпринимались попытки реконструировать универсальный путь грамматикализации глаголов речи, объясняющий развитие у их нефинитных форм функции причинного коннектора. Наиболее известна имплицативная иерархия, предложенная в [Saxena 1995: 351]:

³ При этом в санго (креольский язык на основе нгбанди (< убангийские)) причинный показатель *teneti*, по-видимому, восходит не непосредственно к глаголу речи, а к существительному со значением ‘речь, слово’. Кроме того, А. Мартович, видимо, неправильно проанализировала структуру тайского показателя *phrʉ wāa*, хотя входящий в его состав комплементаризер *wāa* действительно восходит к глаголу речи [Iwasaki, Ingkaphirom 2005: 259, 273].

(3) DIRECT QUOTE < SAY < KNOW < BELIEVE < WANT < PURPOSE, REASON < CONDITIONAL < COMPARATIVE MARKER

Согласно схеме (3), если дицендиальному показателю в некотором языке свойственна какая-то из приведенных на ней функций, то он должен употребляться и во всех функциях, перечисленных левее. Данное типологическое распределение объясняется универсальным сценарием грамматикализации: по гипотезе А. Саксены, форма глагола 'говорить' сперва употребляется в качестве маркера цитации при прямой речи, затем постепенно развивает функции комплементаризера при все более широком классе матричных предикатов (направление развития при этом следует «иерархии связанности» [Givón 1980]). Далее на базе комплементаризеров развиваются обстоятельственные союзы, сначала целевые и причинные, затем условные. Последними возникают употребления в качестве показателя сравнения. Существенно, что те же значения и в том же порядке развивают не только цитативы, образованные на базе глаголов речи, но и цитативы демонстративного происхождения [Saxena 1995: 360–363], такие как санскр. *iti* [Носк 1982]. Таким образом, отправной точкой процесса грамматикализации, отраженного в (3), служит не столько непосредственно лексическая семантика глагола речи, сколько способность вводить прямую речь⁴. Схожие шкалы грамматикализации, различающиеся в частных деталях, предлагались также в [Ebert 1991; Lord 1993; Chisarik, Wurff 2003] и др. (см. также [Martowicz 2011: 71]).

А. Саксена опирается на данные 38 языков, преимущественно из Южной Азии и Африки, в которых набор грамматических функций единицы с исходным значением 'say' или 'thus', по ее мнению, укладывается в приведенную иерархию. Схожие паттерны полисемии, подталкивающие к выводу об аналогичном пути развития, впоследствии были описаны для языков других ареалов, ср., в частности, [Serdobolskaya, Toldova 2011; Толдова, Сердобольская 2014] об уральских языках Поволжья: бесермянском удмуртском и луговом марийском. Так, примеры (46–е) иллюстрируют различные функции удм. *š(u)sa*, исторически представляющего собой деепричастие от глагола *šunə* 'говорить' [Serdobolskaya, Toldova 2011: 286–287, 289]:

БЕСЕРМЯНСКИЙ ДИАЛЕКТ УДМУРТСКОГО

- (4) а. *mar pe ta?* — *š'ič'ə šu-e*
 что Q DEM лиса говорить-PRS.3SG

‘Что это?’ — **говорит** лиса’ (прямая речь, глагол в исходном лексическом значении).

⁴ В рамках настоящего исследования мы специально рассматриваем только показатели, возводимые к глаголу речи, несмотря на то что показатели, развившиеся из других источников, могут иметь очень схожую грамматикализационную историю. Кроме того, нас интересуют только показатели причины, менее изученные по сравнению с другими возможными результатами грамматикализации глаголов речи, такими как цитативы и комплементаризеры. Таким образом, фокус рассмотрения в статье уже, чем в большинстве работ, опирающихся на [Ebert 1991; Saxena 1995]. Одной из мотиваций такого сужения как раз является то, что в литературе функции, соответствующие различным стадиям схемы (3), обычно рассматриваются вместе и не всегда бывает понятно, к какому именно кругу употреблений относится то или иное утверждение. В то же время термин «показатель причины» мы трактуем достаточно широко, называя так любую сегментную единицу, способную выражать причинное значение, независимо от морфосинтаксического статуса, наличия других функций, положения соответствующих конструкций на шкале сочинения / подчинения и т. п. Вполне возможно, что отдельные выражения, упоминаемые в статье, недостаточно устоялись в языке в качестве средства выражения причины для того, чтобы их имело смысл признавать «показателями». Однако в рамках подобного пилотного исследования нам представляется важным охватить возможно больший круг потенциально релевантных данных. Хочется верить, что дальнейшие конкретно-языковые исследования, некоторые направления для которых намечены в разделе 6, позволят уточнить в том числе и степень конвенционализации соответствующих единиц в тех или иных языках.

- б. *Vas'a vera-z brat-ez-lə, [soje žug-o-z šu-sa]*
 Вася говорить-PST.3 брат-P.3SG-DAT DEM.ACC бить-FUT-3 говорить-CNV
 'Вася сказал своему брату, **что** побьет его' (сентенциальный актант при предикате речи).
- в. *pi ě'akla-š'k-e [so baš'ŋ-o-z vii' šu-sa]*
 мальчик думать-DETR-PRS.3SG DEM получать-FUT-3 пять говорить-CNV
 'Мальчик думает, **что** получит пятерку' (сентенциальный актант при предикате мыслительной деятельности).
- г. *mon jara-t-iš'ko [so d'eš' mad'-e šu-sa]*
 я любить-CAUS-PRS DEM хорошо петь-PRS.3SG говорить-CNV
 'Мне нравится, **что** он хорошо поет' (сентенциальный актант при эмотивном предикате).
- д. *jul-e — avgust-e tin' turən dastiš'k-o-m n'i turən*
 июль-ILL август-ILL DEM сено готовить-FUT-1PL уже сено
[život-lə totalte med okm-o-z šu-sa]
 скот-DAT зимой OPT хватать-FUT-3 говорить-CNV
 'В июле-августе мы готовим сено, **чтобы** скоту на зиму хватило' (целевая обстоятельственная клауза).
- е. *parnik-ez... kal' uš'ŋ-i-m [val n'i pəš' šu-sa]*
 парник-ACC сейчас открывать-PST-1PL быть.PST уже жарко говорить-CNV
 'Мы открыли парник, **потому что** было уже жарко' (причинная обстоятельственная клауза).

Гипотеза об универсальном пути грамматикализации дицендиальных показателей была взята на вооружение (часто довольно некритически) многими авторами, писавшими о соответствующих единицах в конкретных языках. Однако она, особенно в варианте А. Саксены, подверглась жесткой критике со стороны Т. Гюльдемманна за игнорирование альтернативных путей развития, рассмотрение процесса грамматикализации в терминах единиц, а не конструкций, поверхностный учет материала африканских языков и неправомерное обобщение южноазиатского сценария, возникшего в результате специфического сочетания структурных, исторических и ареальных факторов [Güldemann 2008: 444–446]. В частности, те или иные значения, включая причинное, могут развиваться у цитативных показателей иными путями, минуя промежуточные стадии, предсказанные иерархией А. Саксены⁵. В качестве примера автор упоминает со ссылкой на [Lukas 1953] западносахарский язык дазага, где цитативный глагол *n* участвует в оформлении причинных клауз, но не целевых или актантных [Güldemann 2008: 466]. Следует отметить, что даже среди языков, непосредственно рассматриваемых в [Saxena 1995], далеко не во всех обнаруживается весь спектр употреблений, предсказываемых иерархией в (3); однако автор объясняет это пробелами в материале. Кроме того, есть вопросы к трактовке А. Саксеной данных некоторых языков, учитываемых на основании вторичных источников. Таким образом, несмотря на всю притягательность обсуждаемой гипотезы, вопрос о реальном распространенном пути грамматикализации от цитатива через комплементарзер к обстоятельственным союзам и его роли в дистрибуции дицендиальных маркеров в языках мира остается открытым. Для получения окончательного ответа на него требуется как более полное представление о соответствующем типологическом распределении, так и более детальный анализ материала конкретных языков. В рамках настоящей

⁵ Один из таких путей обсуждается в монографии [Pascual 2014: 88–91, 102–105], где маркирование причинности при помощи дицендиальных показателей в некоторых языках Австралии и Новой Гвинеи рассматривается как результат конвенционализации конструкции с прямой речью.

статьи мы надеемся внести вклад в решение первой задачи и указать некоторые перспективные направления для решения второй.

Нами была предпринята попытка синтезировать накопленные сведения о причинных показателях дицендиального происхождения в глобальной типологической перспективе. В известной нам теоретической литературе содержатся упоминания о таких единицах более чем в 50 языках мира. Нам удалось расширить этот список, рассмотрев источники (грамматики, словари, сборники текстов, проблемные статьи) по примерно 300 языкам, образующим генетически несбалансированную, но ареально представительную конформную выборку. Далее для всех языков, в которых были так или иначе выявлены интересующие нас показатели, были дополнительно рассмотрены данные их ближайших «родственников» и «соседей». Таким образом к настоящему моменту удалось идентифицировать 230 стратегий кодирования причины, восходящих к конструкциям с глаголами речи, в 141 языке мира, что также позволило кратко описать повторяющиеся структурные типы дицендиальных причинных маркеров. В настоящей статье свойства двух наиболее частотных типов будут рассмотрены более подробно, преимущественно с опорой на данные языков Евразии — ареала, на который приходится большая часть выделенных стратегий (176 в 102 языках).

3. Формальное устройство и позиционные свойства

Упомянутые выше лезг. *luhuz*, удм. *šu(ə)sa* прозрачно возводятся к деепричастным формам глаголов речи в соответствующих языках. Аналогичные показатели обнаруживаются во многих других языках Евразии (а также за ее пределами), ср. тур. *dije*⁶, тат. *dip*, монг. *gedz*, венг. *mondva:n*, джуури *gufdire*, там. *enru*, тундр. юк. *monur* и др. Таковы же большинство дицендиальных показателей причины в языках Южной Азии, обсуждаемых в [Saxena 1988; 1995]. Это наиболее широко представленный формальный тип причинных показателей в наших данных. Далее мы будем называть такие показатели «деепричастными».

Общим для них является внешнее сходство (с точностью до некоторой фонетической редукции) с глагольной формой, способной оформлять зависимые клаузы со значением одновременности, (непосредственного) предшествования или сопутствующего действия. Такие формы подпадают под определение сравнительного концепта деепричастия, сформулированное в [Nedjalkov 1995: 97], хотя в описаниях конкретных языков они могут фигурировать под различными ярлыками. Так, в индологии интересующие нас формы обычно характеризуются как причастия; однако это лишь частная терминологическая традиция, связанная, по-видимому, с тем, что именно они выступают в аналитических конструкциях, служащих переводными аналогами европейских перфектов [Masica 2005: 108–110].

Во многих языках существует несколько деепричастных форм, способных выражать одно или более из перечисленных выше значений. От каких факторов зависит в таких случаях выбор формы речевого глагола, вступающей на путь грамматикализации, неясно. В языках с выраженным противопоставлением имперфектива и перфектива это может быть как имперфективное, так и перфективное деепричастие. Для языков лезгинской ветви нахско-дагестанской семьи характерно одновременное наличие двух дицендиальных показателей, восходящих к имперфективной и перфективной форме соответственно: лезг. *luhuz / lahana*, таб. *q'uri / dupnu*, агул. *Raj / puna*.

⁶ Обычно возводится к герундию от глагола *de-* ‘говорить’ ([Кононов 1953; Lewis 1967: 174–175; Göksel, Kerslake 2005: 462], *inter alia*). Альтернативная гипотеза, высказанная в [Sebüktekin 1971: 72], согласно которой *dije* исторически представляет собой форму оптативного причастия от того же глагола, не получила широкого распространения.

Агульский [Мерданова 2004: 159]

- (5) *mik'eldi a-dawa Raj šarf lik'.i-n-dawa gada-ji*
 холодно быть-NEG говорить.IPFV.CNV шарф надеть.PFV-PRF-NEG сын-ERG
 ‘Говоря / из-за того, что не холодно, шарф не надел сын’.
- (6) *uč.i-w pul fu-dawa p.u-na Ruš.u-n-dawa dad-a üĩ*
 сам-APUD деньги иметь-NEG сказать.PFV.CNV купить.PFV-PRF-NEG отец-ERG мед
 ‘Отец не купил мед, сказав / из-за того, что у него нет денег’.

В описаниях такие показатели приводятся как синонимичные, какие-либо семантические различия между ними не обсуждаются. С. Р. Мерданова отмечает, что в агульском *puna* в функции причинного коннектора значительно более употребительно, чем *Raj* [Там же: 158–159]; в то же время в грамматике [Haspelmath 1993] примеры приводятся только на *luhuz*, что может косвенно свидетельствовать о том, что в лезгинских материалах М. Хаспельмата, напротив, имперфективный вариант является более частотным. Было бы интересно более детально исследовать дистрибуцию дицендиальных коннекторов в различных лезгинских языках.

В языках, оформление зависимых предикатов в которых чувствительно к переключению референции, причинные показатели обычно развиваются из форм, способных выступать в односубъектных конструкциях. Такова, например, ситуация в юкагирских языках [ODKY: 10.21; Schmalz 2013: 290]. В пределах Евразии нам не удалось обнаружить случаев, когда причинные клаузы, развившиеся из таксисных клауз с глаголами речи, унаследовали бы от последних противопоставление по одно- / разносубъектности, однако подобные конструкции представлены в языке мацес пано-таканской семьи [Fleck 2003: 1119].

В большинстве случаев показатели рассматриваемого типа непосредственно присоединяют финитную клаузу со значением причины. Явные исключения представлены в тувинском и туркменском, где исходные деепричастия от глагола речи (*teef* и *dij(i)p* соответственно) развились в послелогии, присоединяющие именную группу или номинализованную клаузу (см. пример (10) ниже). При венг. *mondva:n* опционально употребление комплементаризера *hoj*⁷. Также в ряде дравидийских языков показатель, восходящий к деепричастию от генерического глагола речи (<*en-), может вводить причинную клаузу как самостоятельно, так и в сочетании с деепричастием от более специализированного глагола, обычно переводимого в англоязычных источниках как ‘tell’, ср. каннада *anta* (*he:li*), малаялам *ennu* (*paraṅṅu*), там. *enru* (*solli*). В литературе это обычно рассматривается как две реализации одной конструкции, в которой второй элемент является факультативным, см., напр., [Subbāṅāo 2012: 198]. Однако более вероятной кажется иная трактовка: двучленные выражения представляют собой показатели деепричастного типа, развившиеся из TELL-глаголов, а форма SAY-глагола в их составе представляет собой комплементаризер (в отличие от SAY-глаголов, дравидийские TELL-глаголы не могут вводить цитату без посредства служебного элемента). Среди индоарийских языков показатели, содержащие комплементаризер, представлены в дакхни (*bol ke*) и в языках бихари (предположительно дицендиальный *kahe-ki*⁸).

За исключением венг. *mondva:n*, выявленные нами причинные коннекторы деепричастного типа относятся к языкам с преобладающим порядком слов OV⁹. В соответствии

⁷ В венгерском также возможна комбинация *mondva:n* со специализированным причинным союзом *mert* или *merthoj* [Dömötör 2015: 32]. А. Дёмётёр считает такие употребления инновацией разговорного языка.

⁸ Возводится к *kahe ki* <say-LNK?/-SUBV.3SG? COMP> для садри в [Peterson, Baraik, in press: 294], однако кажется также возможным связать первый компонент с причинным местоимением.

⁹ Не вполне ясно, в какой степени это может быть связано с большей предрасположенностью OV-языков к развитию отглагольных коннекторов, а в какой — с более широким распространением порядка OV в Евразии. За пределами этого макроареала препозитивные дицендиальные показатели причины деепричастного типа встречаются, например, в нилотских языках сабинь [Kawachi 2012: 119–120] и лопит [Moodie, Billington 2020: 388, 424] (оба VSO).

с типологическими ожиданиями, почти все они располагаются в постпозиции к вводимой ими причинной клаузе. Исключение составляет упомянутый выше показатель в садри.

Совершенно иначе устроено лезгинское выражение *wufiz lahajt'a* (проиллюстрированное выше в (2)), к которому тоже обнаруживается множество параллелей в различных языках: адыг. *səd-a p'-'e-me*, чув. *mën-fën te-sen*, кор. *wə-ŋja-ha-mjɒn*, неп. *kinl-bʰɒn-e*, тхакали *talan' pi³-janse* и др. В составе таких единиц четко выделяется два компонента: вопросительное местоимение причины ('почему') и некоторая форма глагола речи, способная выступать в протазисе условных конструкций. Эти компоненты выражения могут сохранять свой исходный облик, а могут подвергаться редукции, вплоть до стирания границы между ними и утраты аналитизма, ср. лак. *tsantfirtfa(n)* 'потому что' < *ts-i-w-an utfir-tfa(n)* <что-ш-делать-INF говорить-COND.CNV> [Казенин 2013: 247]. По характеру первого компонента мы далее будем условно называть такие средства выражения причины «местоименными».

Несмотря на разительное сходство между «местоименными» причинными показателями разных языков, их формальное устройство демонстрирует значительное варьирование. В большой степени это связано с варьированием в структуре соответствующих вопросительных слов и с разнообразием форм и конструкций, используемых в условных клаузах. Вопросительные местоимения, входящие в состав причинного показателя, могут быть морфологически непроеизводными, совпадать с генерическим предметным местоимением 'что', либо восходить к его сочетанию с падежным аффиксом или адлогом, иметь в своем составе интеррогативный показатель и т. п. В некоторых языках такие вопросительные слова представляют собой нефинитные формы от местоименного глагола 'что делать' (такова ситуация в монгольских и — вероятно, в результате контактного влияния последних — в сойотском [Рассадин 2012: 55]), либо восходят к сочетанию предметного местоимения с формой вспомогательного глагола (чаще всего 'делать'; ср. этимологию лак. *tsantfirtfa(n)* выше). В случае калм. *juŋ-g-ad gix-le* <что-говорить-CNV говорить-PFV.CNV> в качестве такого вспомогательного глагола выступает собственно *gi-* 'говорить', рефлекс которого, таким образом, присутствует в структуре показателя дважды [Павлов 2000: 275]. В состав местоименного компонента может также входить цитативная частица, как в бект. *sud-l'o niso-da* <что-quot говорить-COND> [Комри и др. 2005: 436].

Поскольку инвентарь вопросительных местоимений причины обычно насчитывает несколько единиц и склонен к относительно быстрому обновлению, в одном языке могут сосуществовать несколько вариантов причинного показателя с различными первыми компонентами. Так, в литературном лезгинском помимо *wufiz lahajt'a* также имеется синонимичное выражение *kyz lahajt'a*, отличающееся супплетивным вариантом косвенной основы вопросительного местоимения (см. [Haspelmath 1993: 192]); кроме того, во многих диалектах существуют свои показатели, образованные по той же модели, но включающие диалектное местоимение (Р. Г. Мамедшахов, л. с.). Сравнимую вариативность в выборе первого компонента обнаруживают дицендиальные средства выражения причины в бурятском [Пюрбеев 1979: 76; Даржаева 2001: 77] и в дардском языке шина [Bailey 1924: 72].

Второй, глагольный компонент рассматриваемых показателей также бывает устроен по-разному; опять же, в одном языке могут сосуществовать несколько коннекторов, различающихся формой глагола речи. Это может быть как генерическое деепричастие, так и специализированная форма с условным значением. Примечательно, что в цахурском из двух основных суффиксов кондиционалиса в местоименном показателе причины *n'aɖas uwɬ-e*: <почему говорить-NCND> используется более специальный, выражающий гипотетическое условие. В сарыкольском и удмуртском фигурируют сочетания глагола речи с препозитивным условным союзом¹⁰. Как и в случае деепричастных показателей, в языках с противопоставлением по (им)перфективности может использоваться форма как с той,

¹⁰ В сарыкольском условный союз *tsa* может употребляться как пре-, так и постпозитивно [Kim 2017: 283], однако местоименный причинный показатель в цитируемой диссертации приводится только с расположением союза между местоимением и глаголом.

так и с другой аспектуальной характеристикой, однако можно говорить о тенденции к употреблению перфектива; в частности, именно перфективные формы употребляются в обсуждавшихся выше лезгинских языках.

В языках с развитым лично-числовым согласованием форма глагола речи в составе местоименного причинного коннектора часто содержит показатель 2-го лица. В ряде кыпчакских тюркских языков наблюдается варьирование между немаркированной по лицу формой кондиционалиса (которую можно интерпретировать как форму 3-го лица), формой 2SG и формой 2PL. В некоторых из них, например в кумыкском, к этому набору добавляется еще форма 1PL (*ne-ge de-se-k* <что-ДАТ говорить-COND-1PL>) [Абдуллаева и др. 2014: 498]. К сожалению, известные нам работы никак не комментируют распределение подобных вариантов. Можно предположить, что форма 2SG исходно используется при обращении к одному собеседнику, а форма 2PL — при обращении к нескольким, при этом по мере конвенционализации сочетания идет постепенная нейтрализация в пользу первого варианта. Доступные текстовые данные (в частности, [АККЯ]) в целом укладываются в эту гипотезу, однако их слишком мало для уверенных выводов. Схожее варьирование в числе наблюдается также в тундрном юкагирском (где 1/2-е лицо противопоставлено 3-му), при этом примечательно, что в отличие от упомянутого выше показателя деепричастного типа (*mon-ur* <говорить-CNV.SS>), в показателе местоименного типа используется разнособъектная зависимая форма глагола речи (*quodi:r mon-ul-yane / mon-l-aqane* <почему говорить-GER-1/2SG.DS / говорить-GER-1/2PL.DS>) [Schmalz 2013: 229].

В шина [Bailey 1924: 72; Bashir 1996: 245; Rajapurohit 2012: 137] и куртопском [Hyslop 2017: 338–339, 408–409] представлены причинные показатели (как деепричастного, так и местоименного типа), образованные от глаголов с исходным значением ‘делать’. Поскольку появление этих показателей, по всей видимости, связано с развитием у данных глаголов речевого значения (такое семантическое расширение вообще характерно для языков гималайского региона, особенно его северо-западной части [Bashir 1996]), мы относим их к дицендиальным. В родственном куртопскому языке цангла наряду с «обычным» выражением местоименного типа *hang-ya dak-nyi.la* <что-Q говорить-COND> встречается аналогичный по структуре (и семантике) показатель, содержащий глагол ‘делать’: *hang-ya a-nyi.la* <что-Q делать-COND> [Andvik 2010: 284–285]. В этом свете некоторую загадку представляет собой причинный показатель *nən n-oh-ən* <что/почему 2SG-??-REAL> в малоизученном изолированном языке кусунда (Непал) [Watters et al. 2006: 147]. Структурно он полностью изоморфен рассматриваемым в этом разделе дицендиальным показателям местоименного типа, однако неясно, от какого глагола он образован.

Второй (глагольный) компонент местоименных показателей может в отдельных случаях подвергаться более сложному парафразу, что свидетельствует о слабой степени грамматикализации соответствующей конструкции и осознании носителями буквального значения ее компонентов. Так, в адыгейском широко распространен причинный показатель *səd-a p'-ʔ^me-me* <что-Q 2SG-говорить-COND>, однако в готовящемся к изданию адыгейском переводе Ветхого Завета стих Суд. 4:9 выглядит следующим образом (Р. Феер, л. с.):

(7) АДЫГЕЙСКИЙ (абхазо-адыгские)

<i>Сыд-а</i>	<i>п-Ю-у</i>	<i>у-кьэ-упчIэ-мэ,</i>	<i>Зиухъаны-м</i>	<i>Сисарэ</i>
что-Q	2SG.A-говорить-ADV	2SG.ABS-DIR-спрашивать-COND	Господь-ERG	Сисара
<i>зы-IэмьчIэ</i>	<i>Ø-р-и-лхъа-цты-р</i>	<i>бзыльфыгъэ-р</i>	<i>а-ры-шь</i>	<i>а-ры.</i>
REL-кулак	3SG.ABS-DAT-3SG.A-класть-FUT-ABS	женщина-ABS	тот-COP-REAS	тот-COP

‘{Но путь, которым ты пойдешь, не приведет тебя к славе.} Потому что Господь отдаст Сисару в руки женщины’ (букв. ‘Если спросишь, говоря «почему», это потому, что тот, кому Господь положит в кулак Сисару, женщина’).

Аналогично устроен др.-уйг. показатель *ne ytfyn ti-p ti-ser* <что для говорить-CNV говорить-COND>. Схожие перифрастические конструкции приводятся в [Weier 2003: 262] для могольского.

Дицендиальные причинные показатели местоименного типа резко отличаются от деепричастных коннекторов по своим позиционным свойствам: они неизменно предшествуют вводимой ими причинной клаузе (которая, в свою очередь, располагается после клаузы следствия), даже в языках, для которых препозитивные подчинительные союзы нехарактерны. Причинная клауза обычно имеет финитный морфосинтаксис, хотя в адыгейском показатель местоименного типа может сочетаться с глагольной формой, уже маркированной причинным суффиксом.

4. Семантика

Описательные грамматики редко уделяют место обсуждению конкретных оттенков причинного значения, выражаемых тем или иным показателем. Тем не менее, представляется возможным сформулировать некоторые предварительные наблюдения. С точки зрения семантики два выделенные выше типа дицендиальных показателей оказываются противопоставлены почти столь же явно, как и в формальном отношении.

Прежде всего бросается в глаза полифункциональность показателей, восходящих к деепричастию от глагола речи. Помимо клауз с семантикой причины, они часто вводят целевые клаузы, сентенциальные актанты, чужую речь и т. п. (см. бесермянские примеры (4) выше), что хорошо укладывается в гипотезу А. Саксены о стадийном развитии. К сожалению, типологическое сопоставление паттернов полифункциональности затрудняется тем, что показатели разных языков описаны в этом отношении с разной полнотой.

Полифункциональность обсуждаемых единиц может приводить к неоднозначности конструкций с ними (ср. переводы агульских предложений (5)–(6) выше). Д. Матич и Б. Пакендорф [Matić, Pakendorf 2013: 376] для иллюстрации причинного значения кол. юк. *mon-ut* приводят следующий пример, взятый из [ODKY: 15.45]:

- (8) КОЛЫМСКИЙ ЮКАГИРСКИЙ
Tabun-gələ pulun-de: ta:t ibil'e:-l'əl tude terikə-gələ kude-de-gə
 тот-ACC старик-DIM так плакать-EV[3SG] он.POSS старуха-ACC убить-TR-CNV.DS
mon-ut.
 говорить-IPFV.CNV.SS
 ‘Старик заплакал, потому что они убили его жену’.
 (‘The old man started crying because they had killed his wife.’)

Однако предлагаемое прочтение не учитывает контекст: по сюжету сказки, старик сам ранее убил свою жену, а в описываемой сцене пытается обвинить в ее смерти дочерей соседа. Таким образом, буквальный перевод (‘...говоря, что они убили его жену’) представляется более адекватным¹¹.

При этом непосредственно в сфере причинных отношений употребление таких показателей представляется ограниченным. Так, по поводу лезгинского М. Хаспельмат пишет (перевод наш): «*luhuz / lahana* выражает скорее внутреннюю субъективную мотивацию, чем объективную причину, что отражает исходное значение ‘говоря / сказав’» [Haspelmath 1993: 390]. Схожие наблюдения высказывались различными авторами и относительно аналогичных единиц в других языках. К сожалению, в описаниях подавляющего большинства рассмотренных в этой статье языков данный вопрос никак не поднимается. Нам не удалось найти бесспорных примеров использования дицендиальных показателей деепричастного типа для выражения объективных причинно-следственных отношений, однако

¹¹ Впрочем, в текстах [ODKY] есть как минимум пять бесспорных примеров на причинное значение *mon-ut*.

следует иметь в виду, что иллюстративному материалу описательных грамматик вообще свойственно сильное преобладание примеров с контекстами субъективного мотива / повода.

Некоторые деепричастные показатели имеют еще более узкую семантику, будучи специализированы для выражения санкции, как в случае тувинского послелого *teef*:

(9) Тувинский (тюркские) [Шамина 2001: 169]

Ном номча=ан=ы дэ-эи моол-дар колдуунда кадак
книга читать-PC.PST=3POSS говорить-CNV монгол-PL в.основном кадак

тудар бол-ган, чамдык өг-лер ланшаа=да бэ-эр=ле.
делать быть-PC.PST некоторый семья-PL ланшаа=ADD давать-PC.FUT=EMPH

‘За то, что прочитал молитву, монголы в основном дарят кадак, некоторые дают ланшаа¹²’.

Совершенно иное распределение демонстрируют показатели местоименного типа. С одной стороны, для них не засвидетельствовано употреблений вне сферы причины. С другой, они способны выражать широкий спектр причинных отношений, не ограничиваясь контекстами субъективного мотива / повода, ср. библейские примеры (10)–(12) с неодушевленным субъектом в первой клаузе:

(10) Непальский (индоарийские < индоевропейские)

bhūmi-mā ē'uṭai pani vanaspti thi'ēna,
земля-LOC тот.же еще растение быть.PST.3SG.NEG

ra bhūmi-mā kunai ghās-pāt pani umrēkō thi'ēna,
и земля-LOC который.EMPH трава-лист еще расти.PFV.PC быть.PST.3SG.NEG

kina-bhanē paramaprabhu parmēśvar-lē pṛthvī-mā pānī
почему-говорить.IPFV.CNV Господь Бог-ERG земля-LOC вода

bars-āu-nu-bhaēkō thi'ēna ra bhūmi
литься-CAUS-INF-быть.PFV.PC быть.PST.3SG.NEG и земля

khan-jōt gar-na kunai mānis pani thi'ēna.
копание-пахота делать-INF который.EMPH человек еще быть.PST.3SG.NEG

‘Не было на земле растений, и не росло на земле полевой травы, ибо Господь Бог не послал дождя на землю и не было на земле человека для возделывания земли’. (Быт. 2:5)

(11) Кокборок (сал < сино-тибетские)

...twi aphaḥ bai rung didag-wi tong kha
вода волна INS лодка шататься-CNV быть PRF

tam-ni hwm khe nokbar pail cha ya khe sib-chajak
что-GEN сказать ADV ветер встречный хорошо NEG ADV дуть-AUX

‘...лодку било волнами, потому что ветер был противный’. (Мф. 14:24)

(12) Чеченский (нахско-дагестанские)

Эцца-хь чоГIа мохк б-ег-ийра, хIунда аьл-ча
туда-LOC сильно земля VI-дрогнуть-WPST почему говорить-CNV

Везачу Эл-ан малик, стигал-ара охьа а д-оьсс-ина
святой князь-GEN ангел небо-AVL вниз и IV-спускаться-PRF

къубба-нна дуьхьал б-илл-ина болу тIулг
гробница-DAT напротив VI-открывать-PRF VI-REL камень

дIа а карч-ийна, цунна тIе охьа-хи-ира.
в.сторону и катить-PRF 3SG.DAT на вниз-сесть-WPST

‘И случилось тогда сильное землетрясение, ибо Ангел Господень спустился с небес, подошел к гробнице, откатил камень от входа и сел на него’. (Мф. 28:2)

¹² Кадак (хадак) — буддийский церемониальный шарф, часто преподносимый в качестве торжественного подарка; ланшаа — угощение.

Тем не менее, и для показателей данного типа можно предположить свою специфику, связанную, однако, не с разновидностями выражаемого каузального значения, а с функцией в дискурсе. Такие показатели вводят постпозитивные клаузы, содержащие новую (или, по крайней мере, нетопикальную) информацию и выступающие в качестве обоснования ранее сделанному утверждению или побуждению. Обращает на себя внимание тот факт, что местоименным причинным показателям тюркских, нахско-дагестанских и абхазо-адыгских языков в параллельных русских текстах часто соответствуют дискурсивные частицы типа *ведь* или *же* — либо вообще не соответствует никакого выраженного показателя.

5. Пути развития

В качестве одной из иллюстраций предполагаемого универсального пути развития от конструкции передачи речи к причине / цели и далее к сравнению А. Саксена приводит следующие примеры из неварского языка [Saxena 1988: 378 ff.; 1995: 358–359]:

(13) НЕВАРСКИЙ (гималайские < сино-тибетские)

- а. *wə tay-a-a juju-yatə təskə maya won-a-a chə-ḥ chuye*
 то слышать-PC-NF царь-DAT очень забота прийти-PC-NF ты-ERG ничего
dhənna ka-e-məthe chən-tə jim-sə balāko swo-e
 беспокоиться брать-NF-PRON ты-DAT мы-ERG очень.хорошо смотреть-NPC
dha-k-a-a dhal-ə
 говорить-CAUS-PC-NF говорить-DPST

‘Услышав это, царь сделался очень заботлив и сказал: «Ни о чем не беспокойся, мы очень хорошо о тебе позаботимся»’ (цитатив, вводящий прямую речь).

- б. *ram-ḥ saroj cəlak dha-k-a-a dhal-ə*
 Рам-ERG Сародж умный говорить-CAUS-PC-NF говорить-DPST

‘Рам сказал, **что** Сародж умен’. (сентенциальный актант при предикате речи)

- в. *prezident-ḥ ləḍai mḍ-jwima dha-k-a-a əsa yat-ə*
 президент-ERG война NEG-случаться говорить-CAUS-PC-NF надежда делать-DPST

‘Президент надеется, **что** войн больше не будет’ (сентенциальный актант при предикате мыслительной деятельности).

- г. *wə pya wən-e dha-k-a-a lə phil-ə*
 тот вовне идти-INF говорить-CAUS-PC-NF одежда носить-DPST

‘Он оделся, **чтобы** выйти’ (целевая клауза).

- д. ...*chi-pi cho-mho murkho kho chae-dha-e-sa tho dhorohora*
 ты-PL один-CL дурак COP почему-говорить-INF-COND это башня
mə-khu
 NEG-COP

‘...один из вас дурак, **потому что** это не башня’ (причинная клауза).

- е. *chə ji-tə kāpi byu-sa dha-k-a-a ji chə-tə kalam byu-i*
 ты я-DAT копия давать-COND говорить-CAUS-PC-NF я ты-DAT перо дать-DPST

‘**Если** ты дашь мне копию, то я дам тебе ручку’ (условная клауза).

- ж. *sita dha-k-a-a ram tər-i*
 Сита говорить-CAUS-PC-NF Рам высокий-DPST

‘Рам выше, **чем** Сита’ (стандарт сравнения).

Согласно гипотезе, суммированной в схеме (3), примеры (13а–ж) отражают последовательные этапы единого диахронического процесса. Однако обращает на себя внимание

(13д): если в остальных примерах фигурирует дицендиальный элемент, восходящий к деепричастной форме¹³, то причинный показатель *chae-dha-e-sa* <почему-говорить-INF-COND> имеет очевидно отличное устройство. Конструкция, представленная в (13д), никак не может диахронически восходить к какой-либо из структур, проиллюстрированных в примерах (13а–г), равно как и служить отправной точкой для развития условной конструкции в (13е) или компаратива в (13ж).

Дицендиальные причинные показатели, отнесенные выше к деепричастному и местоименному типам, своим появлением, очевидно, обязаны различным путям развития. Каковы эти пути?

Не приходится сомневаться в том, что причинные клаузы с дицендиальными показателями деепричастного типа восходят к конструкциям передачи речи. Вопрос в том, проходит ли такое развитие через некоторые обязательные промежуточные стадии, согласно сценариям, предложенным в [Ebert 1991; Saxena 1995] и др., или же оно может происходить более непосредственно, как предполагается в [Güldemann 2008; Pascual 2014]. Наблюдаемые исключения из имплицативной иерархии (3) показывают, что соответствующий путь диахронического развития не может быть универсальным. Более того, преобладание «конформных» языков тоже не свидетельствует в пользу его широкого распространения: тот факт, что в языках мира дицендиальные маркеры реже вводят причинные клаузы, чем сентенциальные актаны, может быть связан не с развитием первых из вторых, а с большей когнитивной дистанцией, отделяющей первые от чужой речи: образно выражаясь, их развитие из этого источника предполагает более длительное движение, но необязательно в ту же сторону. Начальным этапом такого движения могут служить конструкции, в которых вслед за описанием действия или решения некоторого индивида цитируется его собственное пояснение мотивов этого действия или решения. В русском языке в такой функции употребляются многие ксенопоказатели [Ярыгина 2016], в том числе такие, для которых появление вместе с неречевыми матричными глаголами нехарактерно:

- (14) а. *И тут же, немного подумав, он заявил, что дальше не пойдёт: ему, **видите ли**, нужно произвести тут кое-какие исследования...* [НКРЯ: А. П. Хейдок. Храмы (1924–1934)]
- б. *А на следующий день подполковник вызвал его к себе и попросил переписать рапорт: **дескать**, ты же из обреза выстрелил, теперь ничего не докажешь.* [НКРЯ: Даниил Корецкий. Менты не ангелы, но... (2011)]
- в. *Запретить продажу сигарет женщинам до 40 лет предложил Иван Никитчук, депутат Государственной думы от КПРФ, — это, **мол**, влияет на здоровье будущего ребенка.* [НКРЯ: Наталья Радулова. Предотвращение порока // «Огонек», 2014]

В то же время нельзя полностью исключить того, что в каких-то языках дицендиальные показатели причины действительно развиваются по реконструируемому А. Саксеной пути, отдельные звенья которого надежно засвидетельствованы кросс-лингвистически. Более детальное изучение свойств различных конструкций в отдельных языках может помочь установить диахронические связи между ними (некоторые соображения см. в следующем разделе).

Что касается дицендиальных показателей местоименного типа, то они возводимы к паратактической конструкции, которую в наиболее полном виде можно условно представить следующим образом (квадратными скобками показаны опущенные элементы):

¹³ Форма на *-a*:, которую А. Саксена анализирует как *-a-a* <-PC-NF>, в [Королев 1989: 86, 90–91] описывается как предикативно-обстоятельственное деепричастие, а *dhaka*: — как союз деепричастного происхождения [Там же: 100].

(15) Р. Если ты скажешь: «Почему [P?», то я скажу: «Р, потому что] Q»¹⁴.

Любопытно, что структурно схожая конструкция, хотя и без участия глагола речи, вновь обнаруживается в русском языке¹⁵:

- (16) а. *Вот я: сколько времени за ворота не выхожу — а почему — потому знаю, что только потоль я и жива.* [НКРЯ: М. Е. Салтыков-Щедрин. Пестрые письма (1884–1886)]
- б. — *Они скоро приедут? — спросил Сережа. И удивился и огорчился, узнав, что не скоро, дней через семь, а то и больше — а почему, потому что ребенок должен привыкнуть к маме, в больнице его к ней приучат.* [НКРЯ: В. Ф. Панова. Сережа (1955)]
- в. *Автовазом рулит иностранец, его там носят кто как может, а почему, потому что сократил такое количество людей, а почему сократил, потому что кушают свой хлеб за зря.* [auto.mail.ru (2014)]

Существенно, что, как и в случае деепричастных показателей, перед нами конструкция передачи речи. Однако здесь цитируется не речевой акт дискурсивного референта, содержание которого может быть переосмыслено как причина осуществляемых им действий, а некоторый гипотетический обмен речевыми актами непосредственно между говорящим и адресатом. Говорящий предугадывает возможный вопрос собеседника, сам озвучивает его и дает на него свой ответ. Соответственно, развитие причинных показателей местоименного типа представляет собой яркий случай «монологизации» — постепенного приспособления единиц, изначально ориентированных на структуру диалога, к выполнению монологических функций [Sansò, in press]. Применительно к этому процессу сложно говорить о грамматикализации глагола речи, подобной той, которая сопровождает развитие показателей деепричастного типа. В последнем случае глагольная форма подвергается десемантизации, которая проявляется в ее способности выступать в контекстах, не имеющих непосредственной связи с передачей речи. Однако как в конфигурации типа (15), так и в возникающих на ее основе конструкциях с местоименными показателями денотатом дигенерального предиката является гипотетический речевой акт, относящийся к текущей коммуникации говорящего и адресата.

Каковы мотивирующие факторы диахронического процесса монологизации, приводящего к появлению причинных показателей местоименного типа? Как кажется, ключ к ответу на этот вопрос кроется в нетривиальных позиционных свойствах последних. Как отмечалось выше в конце раздела 3, показатели данного типа обнаруживаются в левоветвящихся языках, которым свойственны препозиция зависимой клаузы и конечное положение маркера подчинения внутри нее, однако сами эти показатели вводят постпозитивные причинные клаузы, в которых занимают начальную позицию (ср. разный порядок элементов в лезгинских примерах (1) и (2) выше). Одной из основных функций причинных конструкций в дискурсе (особенно в устном диалоге) является подкрепление ранее сделанного потенциально проблемного утверждения, способного вызвать непонимание или возражения адресата [Altenberg 1984: 67–68; Ford, Mori 1994; Diessel, Hetterle 2011; и др.]. При таком употреблении клауза, содержащая указание на причину,

¹⁴ В некоторых частно-языковых описаниях показатели местоименного типа членятся иначе и для них восстанавливается несколько отличная паратактическая конструкция (ср. [Гаджиев 1963: 152] для лезгинского, [Hildebrandt 2004: 110] для манангба). Допуская в принципе такую возможность, отметим, что именно структура в (15) наилучшим образом соответствует наблюдаемому распределению показателей лица, переключения референции, цитатива, гипотетичности в местоименных показателях тех языков, которые маркируют такие различия.

¹⁵ Мы благодарны Т. А. Майсаку, обратившему наше внимание на подобные русские примеры.

располагается после клаузы-следствия, иногда даже будучи отделена от нее репликой собеседника, и имеет признаки самостоятельного предложения и даже речевого акта. С этим в значительной степени связана хорошо известная типологическая предрасположенность причинных клауз к постпозиции и к финитному / сбалансированному оформлению, отличающая их от многих других типов обстоятельственных конструкций [Diessel 2001, 2005; Cristofaro 2003: 168 ff.; Diessel, Hetterle 2011: 26–30; Hetterle 2015: 124–126, 173–180]. В языках с канонической препозицией зависимых соответствующее построение дискурса в принципе может обеспечиваться при помощи правой экстрапозиции причинной клаузы, однако нередко используются специализированные причинные показатели, вводящие постпозитивные клаузы в функции подкрепления, типа японского *datte* [Diessel, Hetterle 2011: 42–43]. Дицендиальные причинные показатели местоименного типа как раз и представляют собой распространенный вид таких специализированных средств. Их появление в языках с преимущественным левым ветвлением служит заполнению важной функциональной лакуны.

Уточнение деталей и возможных промежуточных этапов процесса монологизации, в ходе которого развиваются причинные показатели типа лезг. *wulfiz lahajt'a* или неп. *chaedhaesa*, требует дальнейших частноязыковых и сопоставительных исследований. Однако в любом случае этот диахронический процесс совершенно отличен от сценариев развития деепричастных маркеров типа лезг. *luhuz / lahana* или неп. *dhaka*: и обсуждавшиеся в литературе универсальные пути грамматикализации дицендиальных показателей для него нерелевантны.

6. Перспективы дальнейшего изучения дицендиальных показателей причины в отдельных языках

Описательные грамматики, на данные которых преимущественно опираются масштабные типологические исследования, крайне редко уделяют внимание особенностям синтаксиса и семантики отдельных типов зависимых клауз. Ниже мы постараемся кратко очертить некоторые перспективные направления дальнейшего изучения конструкций с дицендиальными причинными показателями в конкретных языках. Хотя любой причинный показатель в принципе может быть охарактеризован по большому количеству синтаксических и семантических параметров, некоторые из этих параметров представляют особый интерес в случае дицендиальных показателей деепричастного и/или местоименного типа, в частности для определения степени их грамматикализации и проверки гипотез, связанных с их диахроническим развитием.

Для показателей деепричастного типа большой интерес представляет вопрос о возможности выражения ими значения объективной причины. Судя по имеющимся данным, такие употребления скорее нехарактерны, однако развитие такой функции на продвинутом этапе грамматикализации вполне представимо. (Следует также иметь в виду, что данные описательных грамматик и сборников устных текстов часто содержат перекося в сторону контекстов субъективной причины). То же самое касается вопроса о способности к выражению эпистемической и иллокутивной причины [Sweetser 1990]. Также желательнее более детальное изучение моделей полисемии / полифункциональности для выяснения того, какие из контекстов, предсказываемых иерархией (3), обслуживаются дицендиальными маркерами и какие еще сходства и различия характеризуют соответствующие конструкции. Подобное исследование должно опираться на эксплицитные критерии разграничения различных типов конструкций в изучаемом языке.

Конфигурация вида «Р, говоря Q», к которой в конечном итоге восходят причинные конструкции с деепричастными показателями, имеет двоякую природу. С одной стороны, ее можно рассматривать как односубъектную таксисную конструкцию с главной («Р»)

и зависимой («говоря Q») частью. С другой, это конструкция передачи речи, в которой выделяются матричный («P, говоря») и цитируемый («Q») компоненты. В [Spronck, Nikitina 2019] аргументируется точка зрения, согласно которой такие структуры в языках мира обладают специфическими свойствами, не сводимыми к свойствам более общих грамматических механизмов, таких как подчинение, и образуют особый синтаксический домен. Представляется интересным проверить, насколько та или иная конструкция с депричастным маркером сохраняет черты таксисных клауз и конструкций передачи речи. Первая часть задачи сводится к поиску таких синтаксических свойств рассматриваемой конструкции, которые отличали бы ее от других типов причинных конструкций в том же языке, но сближали бы с депричастными клаузами одновременности и/или предшествования. Одним из направлений поиска может быть степень синтаксической интеграции двух клауз [Freu 2016]. Вторая часть заключается в проверке на наличие характерных свойств цитативных конструкций, перечисленных в [Spronck, Nikitina 2019: 129–140]. Это такие параметры, как выбор интерпретации местоимений и других шифтерных единиц (возможность / обязательность т. н. «индексикального сдвига» ([Deal 2020] и цит. лит.), возможность употребления дискурсивных маркеров, свойственных прямой речи, выбор перспективы говорящего и/или участника главной клаузы при интерпретации маркеров эпистемической модальности, оценочных идиом, предикатов личного отношения и т. п. (см. также [Charnavel 2019]). Индексикальный сдвиг много изучался в контексте цитативов и дицендиальных комплементаризеров, однако причинные клаузы с дицендиальными маркерами до сих пор мало привлекались к рассмотрению; можно упомянуть [Yıldırım Gündoğdu 2017] о тур. *dije* и [Толдова, Сердобольская 2014] о луг. мар. *manən*. Примечательно, что для авторов последней работы именно предпочтения в выборе дейктической vs. анафорической стратегии употребления местоимений служат одним из основных критериев для выделения классов конструкций с *manən* и установления диахронических связей между ними.

Что касается причинных конструкций с показателями местоименного типа, то их происхождение из паратактических структур подталкивает к постановке вопроса о степени интеграции двух клауз. Неслучайно авторы ряда грамматик, опираясь преимущественно на интонационное оформление и возможность независимого употребления причинной клаузы, отмечают слабую связь между частями конструкции и/или предлагают считать ее сочинительной. Более перспективной представляется гипотеза, согласно которой причинные клаузы, вводимые показателями местоименного типа, являются «синтаксическими сиротами» [Haegemann 2009]: они составляют самостоятельный речевой акт и никак не интегрированы в структуру предшествующей «главной» клаузы, подобно парентетическим элементам. Ряд причинных конструкций такого типа описывается для немецкого языка в статье [Freu 2016]; предположительно, такой неинтегрированный статус вообще характерен для постпозитивных причинных клауз, выступающих в функции подкрепления предшествующего речевого акта. В. Фрей перечисляет ряд свойств, характеризующих неинтегрированные конструкции: способность выражать значения событийной, эпистемической и иллюкутивной причины, независимое интонационное оформление обеих клауз, способность причинной клаузы иметь собственную иллюкутивную силу, невозможность связывания местоимения в причинной клаузе кванторным выражением из главной, возможность появления в причинной клаузе различных «явлений главной клаузы» — лексем, идиом или конструкций, в норме неспособных выступать в подчиненном контексте (см. также [Кобозева 2000]), невозможность вложения всей конструкции в более крупную структуру. Для проверки сформулированной выше гипотезы желательно проверить причинные конструкции с показателями местоименного типа в различных языках по перечисленным критериям.

Особый интерес представляют данные языков, в которых сосуществуют дицендиальные показатели двух выделенных нами типов: дравидийских, индоарийских,

тюркских, монгольских, нахско-дагестанских и др. Помимо функционального разделения двух видов конструкций, можно ожидать различий в их морфосинтаксическом поведении; в частности, мы предполагаем, что для конструкций с местоименными показателями не должны быть характерны явления индексикального сдвига. Также сформулированные выше гипотезы о путях развития и синтаксическом статусе обсуждаемых конструкций предсказывают различное поведение перспективных элементов в их составе: если в клаузах с показателями местоименного типа субъектом оценки («каузальным судьей» в терминах [Charnavel 2019: 390]) может служить только говорящий, то для соответствующих элементов в клаузах, вводимых показателями деепричастного типа, будет возможна (или даже предпочтительна) ориентация на участника главной клаузы. Эти предположения заслуживают дальнейшей эмпирической проверки.

7. Заключение

В настоящей статье мы рассмотрели показатели причины, восходящие к конструкциям с глаголами речи, в языках Евразии. Большинство таких показателей разбиваются на два типа, определяемых структурно, но противопоставленных также по своим позиционным и семантическим свойствам.

Изложенные типологические наблюдения позволяют по-новому взглянуть на данные отдельных языков. Так, в примере (17) из (левоветвящегося) австроазиатского языка сора фигурирует причинный показатель *gam-le-n-den* <говорить-PST-ITR-COND>, который на первый взгляд кажется относимым к деепричастному типу:

- (17) СОРА [Tripathy, Nayak 2012: 16]
<i>riban / ruban</i>	<i>yangamdelen</i>	<i>gur-re</i>	<i>gam-le-n-den</i>	<i>tan(g)aran</i>
вчера	несомненно	идти(о.дожде)-PST	говорить-PST-ITR-COND	дорога
<i>sal-da-le</i>				
грязный?-AUX-PST				
- ‘Должно быть, вчера шел дождь, потому что дорога стала грязной’.

Однако коннектор в (13) ведет себя крайне нетипично для показателей деепричастного типа как в формальном, так и в семантическом отношении. Во-первых, он вводит постпозитивную клаузу, в которой занимает начальное положение. Во-вторых, он кодирует значение эпистемической причины, причем в качестве субъекта эпистемической оценки выступает говорящий: в первой клаузе нет волитивного одушевленного участника, способного взять на себя эту функцию. Учитывая также, что морфологически показатель представляет собой форму кондиционалиса, мы предполагаем, что перед нами вариант показателя местоименного типа *?itanasʔan gam-le-(n)-den* <почему говорить-PST-ITR-COND> [Anderson, Harrison 2008: 367] с опущенной первой частью. Другие примеры подобной редукции (а также случаи совпадения форм глаголов речи, участвующих в образовании показателей деепричастного и местоименного типа) в языках мира нам неизвестны.

Важнейшие свойства, выявленные и предполагаемые, по которым противопоставлены показатели деепричастного и местоименного типов, суммированы в таблице (с. 24).

Выявленные формальные и семантические различия между двумя типами показателей непосредственно связаны с их диахроническими источниками. Различия в путях грамматикализации также позволяют выдвинуть ряд гипотез касательно синтаксической структуры соответствующих причинных конструкций, дальнейшая эмпирическая проверка которых представляется важной и интересной задачей.

Таблица

Свойства, противопоставляющие дицендиальные причинные показатели двух типов

	Деепричастный тип	Местоименный тип
Дефолтная структура	(таксисное) деепричастие от глагола речи	вопросительное местоимение причины + форма кондиционалиса от глагола речи
Конструкция-источник	цитативная конструкция в таксисной адвербиальной клаузе	цитативная конструкция в независимом высказывании, инсценируемый говорящим диалог с адресатом
Канонический порядок слов в языке	преимущественно OV	OV
Мотивирующий фактор диахронического развития	близость субъективной причины к чужой речи	заполнение функциональной лакуны
Доминирующий тип диахронического развития	грамматикализация	монологизация
Позиция показателя относительно вводимой им клаузы	постпозиция (за единичными исключениями)	препозиция
Позиция причинной клаузы	препозиция (за единичными исключениями) ¹⁶	постпозиция
Выражаемая разновидность причинного значения	субъективная причина (мотив)	объективная причина, подкрепление предшествующего утверждения
Предполагаемый синтаксический статус	адьюнкт	неинтегрированная адвербиальная клауза
Предполагаемая ориентация перспективных элементов	участник главной клаузы, реже — говорящий	говорящий

¹⁶ Также в отдельных языках деепричастный тип представлен послелогоми, вводящими именную причину.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

агул. — агульский	DETR — детранзитив
адыг. — адыгейский	DIM — диминутив
венг. — венгерский	DPST — неактуальное прошедшее время
др.-уйг. — древнеуйгурский	DS — разносубъектность
калм. — калмыцкий	EMPH — эмфаза
кол. юк. — колымский юкагирский	ERG — эргатив
кор. — корейский	FUT — будущее время
лезг. — лезгинский	GEN — генитив
луг. мар. — луговой марийский	GER — герундий
монг. — монгольский	HCOND — гипотетическое условие
неп. — непальский	INF — инфинитив
таб. — табасаранский	INS — инструменталис
там. — тамильский	IPFV — имперфектив
тат. — татарский	ITR — непрерывность
тундр. юк. — тундренный юкагирский	LNK — соединительная морфема
тур. — турецкий	MSR — масдар
удм. — удмуртский	NEG — отрицание
чув. — чувашский.	NF — нефинальный показатель (в неварском)
III, IV, VI — 3-й, 4-й, 6-й именной класс	OPT — оптатив
1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо	PC — причастие
A — агенс	PFV — перфектив
ABL — аблатив	PL — множественное число
ABS — абсолютив	POSS — поссесивность
ACC — аккузатив	PRF — перфект
ADV — адвербиалис	PROH — прохибитив
AOR — аорист	PRS — настоящее время
APUD — локализация 'возле'	PST — прошедшее время
AUX — вспомогательный глагол	Q — вопросительность
CAUS — каузатив	REAL — реалис
QUOT — цитатив	REL — релятивизация
CNV — деепричастие	SG — единственное число
COMP — комплементаризер	SRESS — суперэссив
COND — условие	SS — односубъектность
DAT — датив	TR — переходность
DEM — демонстратив	WPST — прошедшее засвидетельствованное время

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АККЯ — *Алматинский корпус казахского языка*. <http://web-corpora.net/KazakhCorpus/>.
 НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. <https://ruscorpora.ru/>.
 ODKY — Nikolaeva I., Mayer Th. *Online documentation of Kolyma Yukaghir*. Web-resource, 2004. <http://sgr.fi/yukaghir/index.html>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Абдуллаев 2010 — Абдуллаев И. Х. *Лакский язык в сравнительно-историческом освещении. Морфология*. Махачкала: ИЯЛИ им. Г. Цадасы ДНЦ РАН, 2010. [Abdullaev I. Kh. *Lakskii yazyk v sravnitel'no-istoricheskoy osveshchenii* [Lak in comparative-historical perspective]. Makhachkala: G. Tsadasa Institute of Language, Literature, and Art, 2010.]
 Абдуллаева и др. 2014 — Абдуллаева А. З., Гаджихамедов Н. Э., Кадыраджиев К. С., Керимов И. А., Ольмесов Н. Х., Хангишиев Д. М. *Современный кумыкский язык*. Махачкала: ИЯЛИ им. Г. Цадасы

- ДНЦ РАН, 2014. [Abdullaeva A. Z., Gadziakhmedov N. E., Kadyradzhiev K. S., Kerimov I. A., Ol'mesov N. Kh., Khangishiev D. M. *Sovremenniy kumykskii yazyk* [Modern Kumyk language]. Makhachkala: G. Tsadasa Institute of Language, Literature, and Art, 2014.]
- Бертагаев 1953 — Бертагаев Т. А. К проблеме сложных предложений (на материале монгольских языков). *Вопросы языкознания*, 1953, 4: 43–59. [Bertaev T. A. Towards the problem of complex sentences (based on Mongolic data). *Voprosy Jazykoznanija*, 1953, 4: 43–59.]
- Гаджиев 1963 — Гаджиев М. М. *Синтаксис лезгинского языка*. Ч. II: *Сложное предложение*. Махачкала: Дагучпедгиз, 1963. [Gadzhiev M. M. *Sintaksis lezginского yazyka* [Lezgian syntax]. Part 2: *Slozhnoe predlozhenie* [Complex sentence]. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1963.]
- Гайдаров и др. 2009 — Гайдаров Р. И., Гюльмагомедов А. Г., Мейланова У. А., Талибов Б. Б. *Современный лезгинский язык*. Махачкала: ИЯЛИ им. Г. Цадасы ДНЦ РАН, 2009. [Gaidarov R. I., Gyu'l'magomedov A. G., Meilanova U. A., Talibov B. B. *Sovremenniy lezginский yazyk* [Modern Lezgian]. Makhachkala: G. Tsadasa Institute of Language, Literature, and Art, 2009.]
- Даржаева 2001 — Даржаева Н. Б. *Полипредикативные конструкции бурятского языка с подчинительной связью*. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2001. [Darzhaeva N. B. *Polipredikativnye konstruksii buryatskogo yazyka s podchinitel'noi svyaz'yu* [Buryat subordinate polypredicative constructions]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Dept. of RAS, 2001.]
- Даржаева 2020 — Даржаева Н. Б. Скрепцы от глагола речи *ge-* как база для образования новых полипредикативных конструкций в бурятском языке. *Вестник СВФУ*, 2020, 5(79): 46–55. [Darzhaeva N. B. Linkers derived from the speech verb *ge-* as a source of new polypredicative constructions in Buryat. *Vestnik SVFU*, 2020, 5(79): 46–55.]
- Казенин 2013 — Казенин К. И. *Синтаксис современного лакского языка*. Махачкала: ИЯЛИ им. Г. Цадасы ДНЦ РАН; Алеф, 2013. [Kazenin K. I. *Sintaksis sovremennogo lakского yazyka* [Modern Lak syntax]. Makhachkala: G. Tsadasa Institute of Language, Literature, and Art; Alef, 2013.]
- Кобозева 2000 — Кобозева И. М. Проблема идентификации и синтаксической репрезентации сложноподчиненных предложений русского языка с иллокутивно самостоятельной придаточной частью. [Kobozeva I. M. The problem of identification and syntactic representation of Russian subordinate sentences with illocutively autonomous dependent clause.] *3rd European Conf. on Formal Description of Slavic Languages (FDSL-3)*. = *Linguistische Arbeitsberichte*, 2000, 75: 67–79.
- Комри и др. 2015 — Комри Б., Халилов М. Ш., Халилова З. М. *Грамматика безхтинского языка*. Лейпциг; Махачкала: Алеф, 2015. [Comrie B., Khalilov M. Sh., Khalilova Z. M. *Grammatika bezhtinskogo yazyka* [Grammar of Bezhta]. Leipzig; Makhachkala: Alef, 2015.]
- Кононов 1953 — Кононов А. Н. О союзном слове *diye* в турецком языке. *Академику В. А. Гордлевскому к его 75-летию*. Баскаков Н. А. (отв. ред.). М.: Изд-во АН СССР, 1953, 137–144. [Kononov A. N. On the conjunction *diye* in Turkish. *Akademiku V. A. Gordlevskomu k ego 75-letiyu*. Baskakov N. A. (ed.). Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1953, 137–144.]
- Королев 1989 — Королев Н. И. *Неварский язык*. М.: Наука, 1989. [Korolev N. I. *Nevarskii yazyk* [Newar language]. Moscow: Nauka, 1989.]
- Майсак 2016 — Майсак Т. А. Типологическое, внутригенетическое и ареальное в грамматикализации: данные лезгинских языков. *Acta linguistica Petropolitana*, 2016, т. XII, ч. 1: 588–618. [Maisak T. A. Typological, intragenetic and areal in grammaticalization: The data of Lezgian. *Acta linguistica Petropolitana*, 2016, vol. XII, part 1: 588–618.]
- Мерданова 2004 — Мерданова С. Р. *Морфология и грамматическая семантика агульского языка (на материале хюкского говора)*. М.: Советский писатель, 2004. [Merdanova S. R. *Morfologiya i grammaticheskaya semantika agul'skogo yazyka (na materiale khpyukского govora)* [Morphology and grammatical semantics of Aghul: Khpyuk dialect]. Moscow: Sovetskii Pisatel', 2004.]
- Павлов 2000 — Павлов Д. А. *Вопросы истории и строя калмыцкого литературного языка*. Изд. 2-е. Элиста: АПП «Джангар», 2000. [Pavlov D. A. *Voprosy istorii i stroya kalmykского literaturnogo yazyka* [History and structure of Standard Kalmyk]. 2nd edn. Elista: Dzhangar, 2000.]
- Пюрбеев 1979 — Пюрбеев Г. Ц. *Типы сложных предложений в монгольских языках*. М.: Наука, 1979. [Purbeev G. Ts. *Tipy slozhnykh predlozhenii v mongol'skikh yazykakh* [Types of complex sentences in Mongolic]. Moscow: Nauka, 1979.]
- Рассадин 2012 — Рассадин Г. Ц. *Язык сойотов Бурятии*. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2012. [Rassadin G. Ts. *Yazyk soiotov Buryatii* [Language of Soyots in Buryatia]. Elista: Kalmyk Univ. Press, 2012.]
- Толдова, Сердобольская 2014 — Толдова С. Ю., Сердобольская Н. В. Глагол речи *manaš* в марийском языке: особенности грамматикализации. *Вопросы языкознания*, 2014, 6: 66–91. [Toldova S. Yu.,

- Serdobolskaya N. V. Verb of speech *manaš* in Mari: Grammaticalization properties. *Voprosy Jazykoznanija*, 2014, 6: 66–91.]
- Шамина 2001 — Шамина Л. А. *Полипредикативные синтетические предложения в тувинском языке*. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. [Shamina L. A. *Polipredikativnye sinteticheskie predlozheniya v tuvinskom yazyke* [Polypredicative synthetic sentences in Tuvan]. Novosibirsk: Sibirskii Khronograf, 2001.]
- Ярыгина 2016 — Ярыгина Е. С. Частицы *mol*, *de*, *deskat* как маркеры чужого слова в конструкциях вывода-обоснования. *Текст, контекст, интертекст*. Ярыгина Е. С., Геймбух Е. Ю. (отв. ред.). М: МГПУ, 2016, 158–166. [Yarygina E. S. Particles *mol*, *de*, *deskat* ' as markers of reported speech in conclusive/justifying constructions. *Tekst, kontekst, intertekst*. Yarygina E. S., Geimbukh E. Yu. (eds.). Moscow: Moscow State Univ. for Education, 2016, 158–166.]
- Altenberg 1984 — Altenberg B. Causal linking in spoken and written English. *Studia Linguistica*, 1984, 38/1: 20–69.
- Anderson, Harrison 2008 — Anderson G. D. S., Harrison F. H. Sora. *The Munda languages*. Anderson G. D. S. (ed.). Abingdon: Routledge, 2008, 299–380.
- Andvik 2010 — Andvik E. E. *A grammar of Tshangla*. Leiden: Brill, 2010.
- Arkadiev, Maisak 2018 — Arkadiev P. M., Maisak T. A. Grammaticalization in the North Caucasian languages. *Grammaticalization from a typological perspective*. Narrog H., Heine B. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2018, 116–145.
- Bailey 1924 — Bailey Th. G. *Grammar of the Shina (Šiṅā) language: Consisting of a full grammar, with texts and vocabularies of the main or Gilgiti dialects and briefer grammars (with vocabularies and texts) of the Kohistani, Guresi and Drasi dialects*. London: Royal Asiatic Society, 1924.
- Bashir 1996 — Bashir E. Mosaic of tongues: Quotatives and complementizers in Northwest Indo-Aryan, Burushaski, and Balti. *Studies in Pakistani popular culture*. Hanaway W. L., Heston W. (eds.). Lahore: Lok Virsa; Sang-e-Meel, 1996, 187–286.
- Charnavel 2019 — Charnavel I. Perspectives in causal clauses. *Natural Language and Linguistic Theory*, 2019, 37: 389–424.
- Chisarik, Wurff 2003 — Chisarik E., van der Wurff W. From 'say' to 'because': Grammaticalisation and reanalysis. Paper presented at the *Conf. on Comparative Diachronic Syntax*, UCLC, Leiden, 29–30 August 2003.
- Coupe 2018 — Coupe A. R. Grammaticalization processes in the languages of South Asia. *Grammaticalization from a typological perspective*. Narrog H., Heine B. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2018, 189–218.
- Cristofaro 2003 — Cristofaro S. *Subordination*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003.
- Deal 2020 — Deal A. R. *A theory of indexical shift: Meaning, grammar, and crosslinguistic variation*. Cambridge (MA): MIT Press, 2020.
- Diessel 2001 — Diessel H. The ordering distribution of main and adverbial clauses: A typological study. *Language*, 2001, 77: 343–365.
- Diessel 2005 — Diessel H. Competing motivations for the ordering of main and adverbial clauses. *Linguistics*, 2005, 43(3): 449–470.
- Diessel, Hetterle 2011 — Diessel H., Hetterle K. Causal clauses: A cross-linguistic investigation of their structure and use. *Linguistic universals and language variation*. Siemund P. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2011, 23–54.
- Dömötör 2015 — Dömötör A. *A mondván és az úgymond: diskurzusjelölő elemek keletkezése idéző szerkezetekből*. *Magyar Nyelv*, 2015, 111: 21–37.
- Ebert 1991 — Ebert K. H. Vom Verbum dicendi zur Konjunktion — Ein Kapitel universaler Grammatikalisierung. *Von Europa bis Ozeanien — von der Antonymie zum Relativsatz, Gedenkschrift für Meinrad Scheller*. Bisang W., Rinderknecht P. (Hrsg.). Zürich: Universität Zürich, 1991, 77–95.
- Fleck 2003 — Fleck D. W. *A grammar of Matses*. Ph.D. diss., Rice Univ., 2003.
- Ford, Mori 1994 — Ford C. E., Mori J. Causal markers in Japanese and English conversations: A cross-linguistic study of interactional grammar. *Pragmatics*, 1994, 4: 31–61.
- Frey 2016 — Frey W. On some correlations between formal and interpretative properties of causal clauses. Co- and subordination in German and other languages. Reich I., Speyer A. (eds.). Hamburg: Helmut Buske, 2016, 153–179.
- Givón 1980 — Givón T. The binding hierarchy and the typology of complements. *Studies in Language*, 1980, 4(3): 333–377.
- Göksel, Kerslake 2005 — Göksel A., Kerslake C. *Turkish: A comprehensive grammar*. London: Routledge, 2005.

- Güldemann 2008 — Güldemann T. *Quotative indexes in African languages: A synchronic and diachronic survey*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.
- Haegemann 2009 — Haegemann L. Parenthetical adverbials: The radical orphanage approach. *Dislocated elements in discourse: Syntactic, semantic and pragmatic perspectives*. Shaer B., Cook Ph., Frey W., Maienborn C. (eds.). London: Routledge, 2009, 331–347.
- Haspelmath 1993 — Haspelmath M. *A grammar of Lezgian*. Berlin: De Gruyter Mouton, 1993.
- Heine, Kuteva 2002 — Heine B., Kuteva T. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
- Hetterle 2015 — Hetterle K. *Adverbial clauses in cross-linguistic perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015.
- Hildebrandt 2004 — Hildebrandt K. A. A grammar and glossary of the Manange language. *Tibeto-Burman languages of Nepal: Manange and Sherpa*. Genetti C. (ed.). Canberra: Pacific Linguistics, 2004, 2–189.
- Hyslop 2017 — Hyslop G. *A grammar of Kurtöp*. Leiden: Brill, 2017.
- Hock 1982 — Hock H. H. The Sanskrit quotative: A historical and comparative study. *Studies in the Linguistic Sciences*, 1982, 12: 37–96.
- Iwasaki, Ingkaphirom 2005 — Iwasaki S., Ingkaphirom P. *A reference grammar of Thai*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005.
- Johanson 1993 — Johanson L. Typen kausaler Satzverbindungen im Türkischen. *Journal of Turkology*, 1993, 1 (2): 213–267.
- Kawachi 2012 — Kawachi K. Polysemy of the grammatical morpheme *kûle* in Kupsapiny and its grammaticalization from a verb of saying. *Challenges in Nilotic linguistics and more: Phonology, morphology and syntax*. Hieda O. (ed.). Tokyo: Tokyo Univ. of Foreign Studies, 2018, 111–126.
- Kim 2017 — Kim D. *Topics in the syntax of Sarikoli*. Ph.D. diss., Leiden Univ., 2017.
- Klamer 2000 — Klamer M. How report verbs become quote markers and complementizers. *Lingua*, 2000, 110: 69–98.
- Kortmann 1997 — Kortmann B. *Adverbial subordinators: A typology and history of adverbial subordinators based on European languages*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997.
- Kuteva et al. 2019 — Kuteva T., Heine B., Hong B., Long H., Narrag H., Rhee S. *World lexicon of grammaticalization*. 2nd edn. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2019.
- Lewis 1967 — Lewis G. L. *Turkish grammar*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1967.
- Lord 1993 — Lord C. D. *Historical change in serial verb constructions*. Amsterdam: John Benjamins, 1993.
- Lukas 1953 — Lukas C. D. *Die Sprache der Tubu in der zentralen Sahara*. Berlin: Deutsche Akademie der Wissenschaften, 1953.
- Martowicz 2011 — Martowicz A. *The origin and functioning of circumstantial clause linkers: A cross-linguistic study*. Ph.D. diss., Univ. of Edinburgh, 2011.
- Masica 1991 — Masica C. P. *The Indo-Aryan languages*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991.
- Masica 2005 — Masica C. P. *Defining a linguistic area: South Asia*. New Delhi: Chronicle Books, 2005.
- Matić, Pakendorf 2013 — Matić D., Pakendorf B. Non-canonical SAY in Siberia. *Studies in Language*, 2013, 37(2): 356–412.
- Moodie, Billington 2020 — Moodie J., Billington R. *A grammar of Lopit: An Eastern Nilotic language of South Sudan*. Leiden: Brill, 2020.
- Nedjalkov 1995 — Nedjalkov V. P. Some typological parameters of converbs. *Converbs in cross-linguistic perspective*. Haspelmath M., König E. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1995, 97–136.
- Pascual 2014 — Pascual E. *Fictive interaction: The conversation frame in thought, language, and discourse*. Amsterdam: John Benjamins, 2014.
- Peterson, Baraik, in press — Peterson J., Baraik S. *A grammar of Chotanagpuri Sadri: A lingua franca of eastern central India*. Mysore: Central Institute of Indian Languages, in press.
- Rajapurohit 2012 — Rajapurohit B. B. *Grammar of the Shina language and vocabulary (Based on the dialect spoken about Dras)*. London: Royal Asiatic Society, 2012.
- Sansò, in press — Sansò A. Discourse markers from processes of monologization: Two case studies. *From speaking to grammar*. Voghera M. et al. (eds.). Bern: Peter Lang, in press.
- Saxena 1988 — Saxena A. On syntactic convergence: The case of the verb ‘say’ in Tibeto-Burman. *Proc. of the 14th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Axmaker Sh., Jaisser A., Singmaster H. (eds.). Berkeley (CA): Berkeley Linguistics Society, 1986, 375–388.
- Saxena 1995 — Saxena A. Unidirectional grammaticalization: Diachronic and cross-linguistic evidence. *Sprachtypologie und Universalienforschung*, 1995, 48(4): 350–372.

- Schmalz 2013 — Schmalz M. *Aspects of the grammar of Tundra Yukaghir*. Ph.D. diss., Univ. of Amsterdam, 2013.
- Sebüktekin 1971 — Sebüktekin H. I. *Turkish-English contrastive analysis*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1971.
- Serdobolskaya, Toldova 2011 — Serdobolskaya N. V., Toldova S. Yu. Grammaticalization of the verb of speech in Finno-Ugric languages. *Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum*. Csúcs S. et al. (eds.). Budapest: Reguly Társaság, 2011, 285–293.
- Spronck, Nikitina 2019 — Spronck S., Nikitina T. Reported speech forms a dedicated syntactic domain. *Linguistic Typology*, 2019, 23(1): 119–159.
- Subbārāo 2012 — Subbārāo K. V. *South Asian languages: A syntactic typology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012.
- Sweetser 1990 — Sweetser E. *From etymology to pragmatics: Metaphorical and cultural aspects of semantic structure*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990.
- Tripathy, Nayak 2012 — Tripathy B. K., Nayak A. The invariants in Saora: A critical discussion. *Adivasi*, 2012, 52(1/2): 9–19.
- Watters et al. 2006 — Watters D. E., Yadava Y. P., Pokharel M. P., Prasain B. Notes on Kusunda grammar. *Himalayan Linguistics Archive*, 2006, 3: 1–182.
- Weier 2003 — Weier M. *Moghol. The Mongolic languages*. Janhunen J. (ed.). London: Routledge, 2003, 248–264.
- Yıldırım Gündoğdu 2017 — Yıldırım Gündoğdu H. *The structure of diye clauses in Turkish*. M.A. thesis, Boğaziçi Univ., 2017.

Получено / received 25.07.2021

Принято / accepted 23.11.2021